

ДАГОН

Я пишу в состоянии сильного душевного напряжения, поскольку сегодня ночью намереваюсь уйти в небытие. У меня нет ни гроша, а снадобье, единственно благодаря которому моя жизнь остается более или менее переносимой, уже на исходе, и я больше не могу терпеть эту пытку. Поэтому мне ничего не остается, кроме как выброситься из чердачного окна на грязную мостовую. Не думайте, что я слабовольный человек или дегенерат, коль скоро нахожусь в рабской зависимости от морфия. Когда вы прочтете эти написанные торопливой рукой страницы, вы сможете представить себе — хотя вам не понять этого в полной мере, — как я дошел до состояния, в котором смерть или забытье считаю лучшим для себя исходом.

Случилось так, что пакетбот, на котором я служил в качестве суперкарго, подвергся нападению немецкого рейдера в одной из наиболее пустынных и наименее посещаемых кораблями частей Тихого океана. Большая война в то время только начиналась, и океанская флотилия гуннов еще не погрязла окончательно в своих пороках, как это случилось немного погодя. Итак, наше судно было взято в качестве приза, а с нами, членами экипажа, обращались достаточно гуманно, как и подобает обращаться с пленными моряками по законам войны. Наши враги охраняли нас не очень-то тщательно, благодаря чему уже на шестой день со времени нашего пленения мне удалось бежать на маленькой лодке, имея на борту запас воды и пищи, достаточный для того, чтобы выдержать довольно длительное путешествие.

Обретя наконец-то долгожданную свободу и бездумно положившись на волю волн, я имел весьма смутное представление о том, где нахожусь. Не будучи опытным навигатором, я смог только очень приблизительно определить по солнцу и звездам, что нахожусь где-то южнее экватора. О долготе я не имел ни малейшего представления; тщетной оказалась и надежда на то, что вскоре удастся увидеть полоску берега или какой-нибудь островок. Стояла хорошая погода, и в течение многих дней я дрейфовал под палящим солнцем, ожидая, что появится какой-нибудь корабль или течение принесет меня к берегу обитаемой земли. Однако ни корабль, ни земля так и не появились, и я начал впадать в отчаяние, осознавая свое полное одиночество посреди мерно вздымающейся синей громады нескончаемого океана.

Перемена произошла в то время, когда я спал, и мне неизвестны детали случившегося, поскольку сон мой, беспокойный и насыщенный различными видениями, длился довольно долго. Проснувшись же, я обнаружил, что меня наполовину засосало в слизистую гладь отвратительной черной трясины, которая простиралась вокруг меня настолько далеко, насколько хватало взора. Моя лодка лежала на поверхности этой трясины неподалеку от меня.

Хотя легче всего представить, что первым моим чувством было изумление от такой неожиданной и чудовищной трансформации пейзажа, на самом деле я скорее испугался, чем изумился, ибо зловоние и черная гниль вокруг произвели на меня самое гнетущее впечатление. Мерзкий запах исходил от разлагающихся останков рыб и других с трудом подающихся описанию объектов, которые тут и там торчали из отвратительной грязи, образующей эту нескончаемую равнину. Вряд ли мне удастся описать словами угрюмый пейзаж, который окружал меня со всех сторон. Я не слышал ни звука, не видел ничего, кроме необозримого пространства черной трясины, а сама абсолютность тишины и однородность ландшафта подавляли меня, вызывая поднимающийся к горлу ужас.

Солнце сияло с небес, которые показались мне почти черными в своей безоблачной наготе, как будто они отражали это чернильное болото у меня под ногами. Забравшись в лежащую на поверхности трясины лодку и немного поразмыслив, я решил, что ситуации, в которой я оказался, может найтись только одно объяснение. Вследствие подводного извержения вулкана невиданной силы часть океанского дна поднялась на поверхность, причем наверх были вынесены слои, которые в течение многих миллионов лет лежали сокрытыми под необозримой толщей вод. Протяженность этой новой суши была столь велика, что, как я ни напрягал свой слух, я не смог уловить шума океанских волн. Не было видно и морских птиц, которые обычно в таких случаях слетаются в поисках добычи, каковую представляют собой мертвые морские организмы.

В течение нескольких часов я предавался размышлениям в лодке, которая лежала на боку и давала мне небольшую тень, в то время как солнце перемещалось по небу. На закате дня почва стала менее вязкой, и мне показалось, что она достаточно подсохла для того, чтобы в скором времени по ней можно было пройти пешком. В ту ночь я спал, но очень немного, а на следующий день занимался упаковкой тюка с водой и пищей, готовясь к поискам исчезнувшего моря и возможного спасения.

На третье утро я обнаружил, что почва стала уже настолько сухой, что по ней можно было шагать без особых затруднений. Запах гниющей рыбы сводил с ума, но я был слишком озабочен более серьезными вещами, чтобы обращать внимание на такие незначительные неудобства, и решительно направился к неведомой цели. Весь день я шел строго на запад, сверяя курс по отдаленному холму, вздымавшемуся посреди этой черной пустыни. В ту ночь я сделал привал под открытым небом, а наутро продолжил свое движение к холму, который, как мне показалось, почти не приблизился с того времени, когда я впервые его заметил. Наконец к вечеру четвертого дня я достиг подножия холма, который оказался

гораздо выше, чем он виделся на расстоянии; перед ним лежала пологая впадина, благодаря чему он еще более резко выделялся на фоне окружающего ландшафта. Я слишком устал, чтобы сразу начинать подъем, и прикорнул у окрашенного лучами заходящего солнца склона холма.

Я не знаю, почему мои сны были в ту ночь такими безумными, но еще до того, как убывающая, как-то странно изогнутая луна взошла на востоке, я проснулся в холодном поту, решив больше не засыпать. Слишком ужасными были мои ночные видения, чтобы я мог выносить их и дальше. И тут-то, в холодном сиянии луны, я понял, как опрометчиво поступал, путешествуя днем. Переждав дневные часы в каком-нибудь укрытии, куда не достигали лучи обжигающего и слепящего солнца, я мог бы сберечь немало сил для ночных переходов; и в самом деле, сейчас я чувствовал себя вполне способным совершить восхождение, на которое не решился перед закатом солнца. Подхватив свой тюк, я начал путь к гребню холма.

Я уже говорил, что монотонное однообразие холмистого пейзажа наполняло меня неясным страхом; но страх этот был пустяком по сравнению с тем ужасом, что я испытал, когда достиг вершины холма и глянул вниз на другую его сторону. Моему взору открылся бездонный провал или, если угодно, каньон, в черные глубины которого не проникал свет луны, взошедшей еще недостаточно высоко для того, чтобы пролить свои лучи за крутой скалистый гребень. У меня возникло такое чувство, будто я стою на самом краю мира и заглядываю в бездонный хаос вечной ночи, начинающийся за этим краем. В памяти пронеслись жуткие картины «Потерянного рая» и восхождения Сатаны из проклятого царства тьмы.

Когда луна поднялась выше, я заметил, что склоны провала были отнюдь не такими крутыми, как мне показалось вначале. Выступы и обнаженные слои породы образовывали хорошую опору для ног, благодаря чему можно было без особых проблем спуститься вниз, а через несколько сотен футов обрыв и вовсе переходил в поло-

гий спуск. Под влиянием импульса, который я и сейчас не могу до конца объяснить себе, я начал спускаться вниз, цепляясь за выступы скал, и вскоре очутился на пологом склоне, вглядываясь в стигийские глубины, которых никогда еще не достигал ни единый луч света.

Почти сразу же мое внимание привлек странный предмет огромных размеров, расположенный на противоположном склоне, круто поднимавшемся примерно в сотне ярдов передо мной. Обласканный лучами восходящей луны, которых он не знал, наверное, уже миллионы лет, предмет этот испускал белое мерцающее сияние. Вскоре я убедился, что это была всего лишь гигантская каменная глыба, однако все же не мог отделаться от впечатления, что ее контуры и положение не являлись результатом деятельности одной только природы. Когда мне удалось разглядеть предмет более подробно, меня охватили чувства, которые я не в силах выразить, ибо, несмотря на чудовищную величину глыбы и ее присутствие в бездне, разверзшейся на морском дне еще во времена, когда мир был слишком молод, чтобы его могли населять люди, я вдруг совершенно отчетливо понял, что этот странный предмет являлся тщательно оконтуренным монолитом, массивное тело которого несло на себе следы искусной обработки и, возможно, служило когда-то объектом поклонения разумных существ.

Ошеломленный, испуганный и тем не менее испытывающий нечто вроде восхищения, присущего ученому или археологу, я еще раз внимательно огляделся. Луна, находившаяся почти в зените, ярко и таинственно светила над отвесными склонами, и в этом почти дневном сиянии мне удалось различить, что на дне каньона течет полноводная река — она извивалась и исчезала в противоположных его концах, попутно едва не задевая мои ноги. Мелкие волны на другой стороне ущелья плясали у основания громадного монолита, на поверхности которого я сейчас ясно видел как надписи, так и грубо высеченные фигурки. Надписи были выполнены в иероглифической системе, абсолютно мне незнакомой и состоящей

по большей части из условных символов, связанных с водной средой. Среди знаков были рыбы, угри, осьминоги, ракообразные моллюски, киты и им подобные существа. Все это было совершенно непохоже на то, что я когда-либо видел в ученых книгах. Некоторые символы представляли собой изображения каких-то морских существ, очевидно неизвестных современной науке, но чьи разложившиеся останки мне довелось ранее наблюдать на поднявшейся из океана равнине.

Но более всего я был очарован живописной резьбой. По ту сторону разделявшего меня и каменную глыбу потока воды находилось несколько барельефов, которые, благодаря их огромным размерам, можно было разглядеть, не напрягая зрения. Клянусь, их сюжеты могли бы вызвать зависть у самого Доре. Я думаю, что эти объекты, по замыслу, должны были представлять людей — или, по крайней мере, нечто вроде людей, хотя существа эти изображались то резвящимися, как рыбы, в водах какого-то подводного грота, то отдающими почести монолитной святыне, которая также находилась под волнами. Я не отваживаюсь останавливаться подробно на их лицах и формах, ибо одно лишь воспоминание об этом может довести меня до обморока. Гротескные в степени, недоступной, пожалуй, даже фантазии Эдгара По или Булвер-Литтона, они были дьявольски человекоподобными в своих общих очертаниях, несмотря на перепончатые руки и ноги, неестественно широкие и отвислые губы, выпученные стеклянистые глаза и другие особенности, вспоминать о которых мне и вовсе неприятно. Довольно странно, но они, похоже, были высечены почти без учета пропорций — например, одно из существ было изображено убивающим кита, который по величине лишь немного превосходил китобоя. Я сразу же отметил про себя гротескность фигур и их странные размеры, однако мгновение спустя решил, что это были просто боги, выдуманные каким-нибудь первобытным племенем рыбаков или мореходов, чьи последние потомки вымерли за многие тысячелетия до появления первого пилтдаунского чело-

века или неандертальца. Охваченный благоговейным страхом, который вызвала во мне эта неожиданно возникшая картина прошлого, по дерзости своей превосходящая концепции наиболее смелых антропологов, я стоял в глубоком раздумье, а луна отбрасывала причудливые блики на поверхность лежавшего предо мною безмолвного потока.

И вот тогда я внезапно увидел *это*. Почти без плеска поднявшись над темными водами, *оно* плавно вошло в поле моего зрения. Громадное и отвратительное как Полифем, это подобие монстра из кошмарных снов устремилось к монолиту, обхватило его гигантскими чешуйчатыми руками и склонило к постаменту свою уродливую голову, издавая при этом неподдающиеся описанию ритмичные звуки. Наверное, в тот самый момент я и сошел с ума.

Я почти не помню свой стремительный подъем на гребень скалы и возвращение к брошенной лодке, которые я совершил в каком-то исступленном бреду. Мне кажется, всю дорогу я не переставал петь, а когда у меня не оставалось сил на пение, принимался бездумно смеяться. Остались смутные воспоминания о сильной буре, которая случилась через некоторое время после того, как я добрался до лодки; во всяком случае, я могу сказать, что слышал раскаты грома и другие звуки, которые природа издает только в состоянии величайшего неистовства.

Когда я вернулся из небытия, то обнаружил, что нахожусь в госпитале Сан-Франциско, куда меня доставил капитан американского корабля, подобравшего мою лодку в открытом океане. Находясь в бреду, я очень многое рассказал, однако, насколько я понял, эти бредовые речи были оставлены без внимания. Мои спасители ничего не знали ни о каком поднятии дна в акватории Тихого океана; и я решил, что не стоит убеждать их в том, во что они все равно не поверят. Уже потом я отыскал одного знаменитого этнолога и изумил его неожиданной дотошностью своих расспросов относительно древней филистимлянской легенды о Дагоне, Боге рыб, но очень скоро

понял, что мой собеседник безнадежно ограничен, и оставил попытки что-либо у него выведать.

...Это бывает по ночам, особенно в периоды, когда луна находится на ущербе. Тогда это существо снова является мне. Я пробовал принимать морфий, однако наркотик дал только временную передышку, а затем захватил меня в плен, сделав рабом безо всякой надежды на освобождение. И сейчас, после того как я представил полный отчет, который станет источником информации или, скорее всего, предметом презрительного интереса окружающих, мне остается только покончить со всем этим. Я часто спрашиваю себя, не было ли все случившееся со мною чистой воды иллюзией — всего лишь причудливым результатом деятельности воспаленного мозга, когда после побега с немецкого военного корабля я лежал без сознания в открытой лодке под лучами палящего солнца. Я задаю себе этот вопрос, но в ответ мне тут же является омерзительное в своей одушевленности видение. Я не могу думать о морских глубинах без содрогания, которое вызывают у меня немыслимые твари, в этот самый момент, быть может, ползущие или тяжело ступающие по скользкому морскому дну, поклоняющиеся своим древним каменным идолам и вырезающие собственные отвратительные образы на подводных гранитных обелисках. И я мечтаю о том времени, когда они поднимутся над морскими волнами, чтобы схватить своими зловонными когтями и увлечь на дно остатки хилого, истощенного войнами человечества, — о времени, когда суша скроется под водой и темный океанский простор поднимется среди вселенского крошечного ада.

Конец близок. Я слышу шум у двери, как будто снаружи об нее бьется какое-то тяжелое скользкое тело. Оно не должно застать меня здесь. Боже, *эта рука!* Окно! Скорее к окну!

ПОКАЗАНИЯ РЭНДОЛЬФА КАРТЕРА

Еще раз повторяю, джентльмены: все ваше расследование ничего не даст. Держите меня здесь хоть целую вечность; заточите меня в темницу, казните меня, если уж вам так необходимо принести жертву тому несуществующему божеству, которое вы именуете правосудием, — но вы не услышите от меня ничего нового. Я рассказал вам все, что помню, рассказал как на духу, не исказив и не сокрыв ни единого факта, и если что-то осталось для вас неясным, то виною тому — мгла, заставшая мне рассудок, и неуловимая, непостижимая природа тех ужасов, что навлекли на меня эту мглу.

Повторяю: мне неизвестно, что случилось с Харли Уорреном, хотя я думаю — по крайней мере, надеюсь, — что он пребывает в безмятежном забытьи, если, конечно, блаженство такого рода вообще доступно смертному. Да, в течение пяти лет я был ближайшим другом и верным спутником Харли в его дерзких изысканиях в области неведомого. Не стану также отрицать, что человек, которого вы выставляете в качестве свидетеля, вполне мог видеть нас вдвоем в ту страшную ночь, в половине двенадцатого, на Гейнсвилльском пике, откуда мы, по его словам, направлялись в сторону Трясины Большого Кипариса — сам я, правда, этих деталей почти не помню. А вот то, что у нас при себе были электрические фонари, лопаты и моток провода с какими-то аппаратами на концах, я готов подтвердить даже под присягой, поскольку все эти предметы играли немаловажную роль в той нелепой и чудовищной истории, отдельные подробности

которой глубоко врезались мне в память, как бы ни была она слаба и ненадежна. Относительно же последующих событий, а также причины того, почему меня обнаружили наутро одного и в невменяемом состоянии на краю болота, — об этом, клянусь, мне неизвестно ничего, помимо тех фактов, которые я уже устал вам повторять. Вы говорите, что ни на болоте, ни в его окрестностях нет такого места, где мог бы произойти описанный мною кошмарный эпизод. Но я всего лишь поведал о том, что видел собственными глазами, и мне нечего добавить. Было ли это видением или бредом — о, как бы мне хотелось, чтобы это было видением или бредом! — я не знаю, но это все, что осталось в моей памяти от тех страшных часов, когда мы находились вне поля зрения людей. И на вопрос, почему Харли Уоррен не вернулся, ответить может только он сам, или его тень — или то неведомое, что я не в силах описать.

Повторяю, я не только знал, какого рода изысканиям посвящает себя Харли Уоррен, но и принимал в них определенное участие. Из его обширной коллекции старинных редких книг на запретные темы я перечитал все те, что написаны на языках, которыми я владею; таких, однако, было очень мало по сравнению с фолиантами, испещренными абсолютно неизвестными мне знаками. Большинство, насколько я могу судить, — арабскими, но в той гробовдохновенной книге, что привела к чудовищным последствиям, — в той книге, которая навсегда осталась у него в кармане, — был использован алфавит, подобного которому я никогда и нигде не встречал. Уоррен ни за что не соглашался открыть мне, о чем эта книга. Относительно же предмета наших штудий я могу лишь повторить, что сегодня уже не вполне его себе представляю. И, по правде говоря, я даже рад своей забывчивости, потому что это были жуткие изыскания, которым я предавался скорее с деланным энтузиазмом, нежели с неподдельным интересом. Уоррен всегда как-то подавлял меня, а временами я его даже побаивался. Помню, как мне стало не по себе от выражения его лица накануне того ужасного происшествия — в тот момент, когда он

с увлечением излагал мне свои мысли по поводу того, почему иные трупы не разлагаются, но тысячелетиями лежат в своих могилах, неподвластные тлену. Но сегодня я уже не вижу причин страшиться Уоррена, ибо подозреваю, что он столкнулся с такими ужасами, рядом с которыми мой страх — ничто. Сегодня я боюсь уже не его, а за него.

Еще раз говорю, что я не имею достаточно ясного представления о наших намерениях в ту ночь. Несомненно лишь то, что они были самым тесным образом связаны с книгой, которую Уоррен захватил с собой, — с той самой древней книгой на непонятном языке, что пришла ему по почте из Индии месяц тому назад. Но, готов поклясться, я не знаю, что именно мы собирались найти. Свидетель показал, что видел нас в половине двенадцатого на Гейнсвилльском пике, откуда мы держали путь в сторону Трясины Большого Кипариса. Возможно, так оно и было, но мне это как-то слабо запомнилось. Картина, врезавшаяся мне в душу — и опалившая ее, — состоит всего лишь из одной сцены. Надо полагать, было уже далеко за полночь, так как ущербный серп луны стоял высоко в застланных дымкой небесах.

Местом действия было старое кладбище, настолько старое, что я затрепетал, глядя на многообразные приметы вековой древности. Находилось оно в глубокой сырой лощине, заросшей мхом, бурьяном и причудливо стелющимися травами. Неприятный запах, наполнявший лощину, абсурдным образом связался в моем праздном воображении с гниющим камнем. Со всех сторон нас обступали дряхлость и запустение, и меня не отпускала мысль, что мы с Уорреном — первые живые существа, нарушившие многовековое могильное безмолвие. Ущербная луна над краем ложбины тускло проглядывала сквозь нездоровые испарения, которые, казалось, струились из каких-то неведомых катакомб, и в ее слабом, неверном свете я различал зловещие очертания старинных плит, урн, кенотафов и сводчатых входов в склепы — крошащихся, замшелых, темных от сырости и наполовину скрытых в буйном изобилии вредоносной растительности.

Первое, что мне запомнилось в связи с нашим пребыванием в этом чудовищном некрополе, было то, как мы с Уорреном остановились перед какой-то ветхой гробницей и скинули на землю поклажу, по-видимому принесенную нами с собой. Помню, что у меня было две лопаты и электрический фонарь, а у моего спутника — такой же фонарь и переносной телефонный аппарат. Между нами не было произнесено ни слова, ибо и место, и наша цель были нам как будто известны. Не теряя времени, мы взялись за лопаты и принялись счищать траву, сорняки и налипший грунт со старинного плоского надгробья. Расчистив крышу склепа, составленную из трех тяжелых гранитных плит, мы отступили на несколько шагов, чтобы окинуть взором полученный результат. Уоррен, похоже, производил в уме какие-то расчеты. Вернувшись к могиле, он взял лопату и, орудуя ею как рычагом, попытался приподнять плиту, расположенную ближе других к груде камней, которая в свое время, вероятно, представляла собою памятник. Не справившись, он жестом позвал меня на помощь. Совместными усилиями нам удалось расшатать плиту, приподнять ее и поставить на бок.

На месте удаленной плиты обнажился черный провал, из которого вырвались клубы столь тошнотворных миазмов, что мы с отвращением отпрянули назад. Когда спустя некоторое время мы снова приблизились к яме, испарения были уже не такими густыми. Наши фонари осветили верхнюю часть каменной лестницы, сочащейся какой-то злокачественной сукровицей подземных глубин. По бокам ее тянулись влажные стены с налетом селитры. Именно в этот момент прозвучали первые сохранившиеся в моей памяти слова. Нарушил молчание Уоррен, и голос его — приятный, бархатный тенор — был, несмотря на кошмарную обстановку, таким же спокойным, как всегда.

— Мне очень жаль, — сказал он, — но я вынужден просить тебя остаться на поверхности. Я совершил бы преступление, если бы позволил человеку с такими слабыми нервами, как у тебя, спуститься туда. Ты даже не

представляешь — несмотря на все прочитанное и услышанное от меня, — что именно суждено мне увидеть и совершить. Это страшная миссия, Картер, и нужно обладать стальными нервами, чтобы после всего увиденного там, внизу, вернуться в мир живым и в здравом уме. Я не хочу тебя обидеть, и, видит бог, я рад, что ты со мной. Но ответственность главным образом лежит на мне, а я не считаю себя вправе увлекать такого чрезмерно впечатлительного человека к порогу возможной смерти или безумия. Ты ведь даже не можешь себе представить, что ждет меня там! Но обещаю ставить тебя в известность по телефону о каждом своем движении — как видишь, моего провода хватит до центра Земли и обратно.

Слова эти, произнесенные бесстрастным тоном, до сих пор звучат у меня в ушах, и я хорошо помню, как пытался увещевать его. Я отчаянно умолял его взять меня с собой в загробные глубины, однако он был неумолим. Он даже пригрозил, что откажется от своего замысла, если я буду продолжать настаивать на своем. Угроза эта возымела действие, ибо только он один знал нашу цель. Все эти подробности я хорошо помню, а вот в чем заключалась эта цель, теперь уже сказать не могу. С большим трудом добившись от меня согласия быть во всем ему послушным, Уоррен поднял с земли катушку с проводом и настроил аппараты. Я взял один из них и уселся на старый, заплесневелый камень подле входа в гробницу. Уоррен пожал мне руку, взвалил на плечо моток провода и скрылся в недрах мрачного склепа.

С минуту мне был виден отблеск его фонаря и слышно шуршание сходящего с катушки провода, но потом свет внезапно исчез, как если бы лестница сделала резкий поворот, и почти сразу вслед за этим пропал и звук. Я остался один, но у меня была связь с неизвестными безднами через магический провод, обмотка которого зеленовато поблескивала в слабых лучах лунного серпа.

Я то и дело высвечивал фонарем циферблат часов и с лихорадочной тревогой прижимал ухо к телефонной трубке, однако в течение четверти часа до меня не доносилось ни звука. Потом в трубке раздался слабый треск,

и я взволнованным голосом выкрикнул в нее имя своего друга. Несмотря на все свои предчувствия, я все же никак не ожидал услышать те слова, что донеслись до меня из глубин проклятого склепа и были произнесены таким возбужденным, дрожащим голосом, что я не сразу узнал по нему своего друга Харли Уоррена. Еще совсем недавно казавшийся таким невозмутимым и бесстрастным, теперь он говорил шепотом, который звучал страшнее, чем самый душераздирающий вопль:

— Боже! Если бы ты только видел то, что вижу я!

Я был не в силах произнести ни слова, и мне оставалось только безмолвно внимать голосу на другом конце трубки. И тогда до меня снова донеслись исступленные возгласы:

— Картер, это ужасно! Это чудовищно! Это просто невообразимо!

На этот раз голос не изменил мне, и я разразился целым потоком тревожных вопросов. Вне себя от ужаса, я твердил снова и снова:

— Уоррен, что случилось? Говори же, что происходит?

И вновь я услышал голос друга — искаженный страхом голос, в котором явственно слышались нотки отчаяния:

— Я ничего не могу тебе сказать, Картер! Это выше всякого разумения! Я просто не вправе ничего тебе говорить, ты слышишь? Кто знает об этом, тот уже не жилец. Господи! Я ждал чего угодно, но только не этого.

Снова тишина, если не считать бессвязного потока вопросов с моей стороны. Потом опять раздался голос Уоррена — на этот раз проникнутый беспредельным ужасом.

— Картер, ради всего святого — верни плиту на место и беги отсюда, пока не поздно! Скорей! Бросай все и беги — это твой единственный шанс на спасение. Делай, как я говорю, и ни о чем не спрашивай!

Я слышал все это и тем не менее продолжал исступленно задавать вопросы. Меня окружали могилы, тьма и тени, подо мной таился ужас, недоступный воображению

смертного. Но друг мой находился в еще большей опасности, нежели я, и, несмотря на страх, мне было даже обидно, что он полагает меня способным покинуть его при таких обстоятельствах. Еще несколько щелчков, и после короткой паузы вновь отчаянный вопль Уоррена:

— Сматывайся! Ради бога, верни плиту на место и держай отсюда, Картер!

То, что мой спутник опустил до столь вульгарных выражений, указывало на крайнюю степень его потрясения, и эта последняя капля переполнила чашу моего терпения. Молниеносно приняв решение, я закричал:

— Уоррен, держись! Я спускаюсь к тебе!

Но на эти слова абонент мой откликнулся воплем, в котором сквозило теперь уже безысходное отчаяние:

— Не смей! Как ты не понимаешь! Слишком поздно! Я виноват — мне и отвечать! Бросай плиту и беги — мне уже ничто не поможет!

Тон Уоррена опять переменился. Он сделался мягче, в нем была слышна горечь безнадежности, но в то же время ясно звучала тревога за мою судьбу.

— Поторопись, не то будет слишком поздно!

Я старался не придавать его увещаниям большого значения, пытаюсь стряхнуть с себя оцепенение и наконец прийти к нему на помощь. Но когда он заговорил в очередной раз, я по-прежнему сидел без движения, скованный тисками ледящего ужаса.

— Картер, поспеши! Не теряй времени! Это бессмысленно... тебе нужно уходить... лучше я один, чем мы оба... плиту...

Пауза, щелчки и вслед за тем слабый голос Уоррена:

— Почти все кончено... не продлевай мою агонию... завали вход на эту чертову лестницу и беги что есть мочи... ты только зря теряешь время... прощай, Картер... прощай навсегда...

Тут Уоррен резко перешел с шепота на крик, завершившийся воплем, исполненным тысячелетнего ужаса:

— Будь они прокляты, эти исчадия ада! Их здесь столько, что не счесть! Господи!.. Беги! Беги! БЕГИ!

Потом наступило молчание. Мне показалось, будто я несколько веков просидел там недвижимый, шепча, бубня, бормоча, взывая, крича и вопя в телефонную трубку. Века сменялись веками, а я все сидел и шептал, бормотал, звал, кричал и вопил:

— Уоррен! Уоррен! Ты меня слышишь? Где ты?

А потом на меня обрушился тот ужас, что явился апофеозом всего произошедшего — ужас невыразимый, невообразимый и почти невыразимый. Я уже говорил, что как будто вечность миновала с тех пор, как Уоррен прокричал свое последнее отчаянное предупреждение, и что теперь только мои крики нарушали гробовую тишину. Однако через некоторое время в трубке снова раздались щелчки, и я весь превратился в слух.

— Уоррен, ты здесь? — позвал я его снова, и в ответ услышал то, что навлекло на мой рассудок беспроглядную мглу.

Я даже не пытаюсь дать себе отчет в том, что это было — я имею в виду голос, джентльмены, — и не решаюсь описать его подробно, ибо первые же произнесенные им слова заставили меня лишиться чувств и привели к тому провалу в сознании, что продолжался вплоть до момента моего пробуждения в больнице. Стоит ли говорить, что голос был низким, вязким, глухим, далеким, замогильным, нечеловеческим, бесплотным? Это все, что я могу сказать. На этом кончаются мои отрывочные воспоминания, а с ними и мой рассказ. Я услышал этот голос — и впал в беспамятство. На неведомом кладбище в глубокой сырой лощине, в окружении крошащихся плит и покосившихся надгробий, среди буйных зарослей и вредоносных испарений я сидел, оцепенело наблюдая за пляской бесформенных, жадных до тлена теней под бледной ущербной луной, когда из самых сокровенных глубин зияющего склепа до меня донесся этот голос.

И вот что он произнес:

— ГЛУПЕЦ! УОРРЕН МЕРТВ!

БЕЗЫМЯННЫЙ ГОРОД

Приблизившись к Безымянному городу, я сразу ощутил тяготевшее над ним проклятие. Я ехал по мрачной выжженной равнине, залитой лунным светом, и еще издали увидел его: таинственно и зловеще выступал он из песков — так высовываются части трупа из неглубокой, кое-как закиданной землею могилы. Ужасом веяло от источенных веками камней этого пережившего Великий потоп древнего чуда, этого пращура самой старой из пирамид; а исходившее от него легкое дуновение, казалось, отталкивало меня и внушало мысль отступить от жутких древних тайн, которых не знает и не должен знать ни один смертный.

Далеко в Аравийской пустыне лежит Безымянный город, разрушенный и безмолвный; его низкие стены почти полностью занесены песками тысячелетий. Этот город стоял здесь задолго до того, как были заложены первые камни Мемфиса и обожжены кирпичи, из которых воздвигли Вавилон. Нет ни одной легенды настолько древней, чтобы в ней упоминалось название этого города или описывались те времена, когда он еще был полон жизни. Зато о нем шепчутся пастухи возле своих костров, о нем бормочут старухи в шатрах шейхов, и все как один остерегаются его, сами не зная почему. Это было то самое место, которое безумный поэт Абдул Аль-хазред увидел в своих грезах за ночь до того, как сложил загадочное двустишие:

То не мертво, что вечность охраняет,
Смерть вместе с вечностью порою умирает.

Мне было известно, что арабы остерегаются Безымянного города — зловещего места, упоминаемого в причудливых сказаниях и до сих пор сокрытого от людских глаз; однако я отогнал от себя мысли о возможных причинах этих страхов и отправился верхом на верблюде в нехоженую пустыню. Я единственный, кому довелось его увидеть, и потому ни на одном лице не застыло такой печати ужаса, как на моем, и ни одного человека не охватывает такая страшная дрожь, как меня, когда по ночам ветер сотрясает оконные стекла. Когда я подступал к городу, замершему в жуткой тишине нескончаемого сна, он смотрел на меня, остывая от пустынного зноя под лучами холодной луны. И, возвратив ему этот взгляд, я забыл торжество, которое испытал, найдя его, и остановил своего верблюда, дожидаясь рассвета.

После нескольких часов ожидания на востоке повис предрассветный полумрак, звезды поблекли, а затем серые сумеречные тона оттеснил розовый свет, окаймленный золотом. Вдруг я услышал стонущий звук и увидел песчаный смерч, бушевавший среди древних камней, хотя небо было ясным и обширные пространства пустыни оставались неподвижными. Затем над линией горизонта, окаймлявшей пустыню, появился огненный край солнца, который был виден сквозь дымку уносившегося прочь вихря, и мне, охваченному какой-то лихорадкой, почувствовался доносившийся из неведомых глубин протяжный металлический звук — он словно приветствовал огненный диск, как некогда приветствовал его Мемнон с берегов Нила. В ушах моих стоял звон, воображение бурлило, пока я неспешно погонял своего верблюда, приближаясь к этому затерянному в песках безмолвному месту, которое из всех живущих на земле удостоился созерцать я один.

Я бродил тут и там среди бесформенных фундаментов домов, не находя ничего похожего на резьбу или надписи, которые напоминали бы о людях (если то были люди), построивших город и живших в нем необозримое число лет назад. В здешнем налете древности было что-то не-

здоровое, и больше всего на свете мне хотелось увидеть какие-нибудь знаки или свидетельства того, что город и в самом деле был задуман и заложен представителями рода человеческого. Сами пропорции и размеры этих развалин вызывали у меня какие-то неприятные ассоциации. Располагая набором инструментов и снаряжения, я сделал множество раскопок внутри дворики, окруженных стенами разрушенных сооружений; однако дело продвигалось медленно, и я не обнаружил ничего существенного. С наступлением лунной ночи я почувствовал дуновение прохладного ветра, а вместе с ним новый приступ отступившего было страха и не решился заночевать в городе. Когда я покидал древние стены, чтобы уснуть за их пределами, за моей спиной снова возник небольшой песчаный смерч, с воем пронесшийся над серыми камнями, хотя луна была яркой, а пустыня по большей части оставалась спокойной.

Я пробудился на рассвете, вырвавшись из хоровода кошмарных сновидений, и в ушах моих стоял звон, подобный колокольному. Я увидел, как оранжевый край солнца пробивается сквозь оседающий столб смерча над Безмянным городом, и отметил про себя безмятежность всего остального ландшафта. Я побродил среди развалин, которые вздувались под толстым слоем песка, как тело какого-нибудь сказочного великана под покрывалом, и еще раз попытался откопать реликвии забытой расы, но вновь безрезультатно. В полдень я отдохнул, а затем длительное время посвятил исследованию стен, следов бывших улиц и контуров почти исчезнувших зданий. Все говорило о том, что некогда это был могучий город, и я задумался, в чем же состоял источник его величия. В моем воображении возникла живая картина века столь отдаленного, что о нем не могли знать и халдеи. Перед моим внутренним взором промелькнули таинственные образы: обреченный Сарнат, стоявший на земле Мнара, когда человечество было еще молодо; загадочный Иб, высеченный из серого камня задолго до появления на земле рода человеческого.

Неожиданно я наткнулся на место, где из песков вздымалась невысокая, но крутая скала, и здесь с великой радостью обнаружил следы, оставленные народом, явно жившим задолго до Великого потопа. Отверстия, вырубленные в скале, несомненно являлись входами в жилища или небольшие храмы, и я подумал, что их интерьеры наверняка хранит не одну тайну невообразимо далеких столетий, тогда как резные изображения на их фасадах могли давным-давно стереть песчаные бури.

Ближайшие ко мне темные проемы располагались очень низко и были засыпаны песком, но я расчистил один из них лопатой и пополз вперед, держа перед собой зажженный факел. Очутившись внутри, я понял, что вырубленное в скале пространство действительно было храмом, сохранившим кое-какие следы народа, который поклонялся здесь своим богам задолго до того, как эти места превратились в пустыню. Были здесь примитивные и удивительно низкие алтари, колонны, ниши; мне не удалось обнаружить ни скульптур, ни фресок, зато здесь в изобилии присутствовали камни странных форм, явно обработанные и выглядевшие как некие символы. Потолок зала был очень низок: даже стоя на коленях, я едва мог выпрямиться, — что меня немало озадачило. Однако сам зал был настолько велик, что мой факел освещал лишь незначительную часть его пространства. Когда же я добрался до дальнего конца зала, меня бросило в дрожь, ибо имевшиеся там алтари и камни напомнили мне о забытых обрядах, ужасных, отвратительных и необъяснимых по своей природе. Что за люди могли воздвигнуть и посещать такой храм? Внимательно осмотрев помещение, я выполз наружу, охваченный жаждой узнать, какие еще тайны скрываются в этих подземельях.

Уже смеркалось, однако все увиденное пробудило во мне такое неодолимое любопытство, что я, пересилив страх, решил остаться на ночь среди длинных, отбрасываемых в лунном свете теней, наполнивших меня ужасом в тот момент, когда я впервые увидел Безымянный город. В сумерках я расчистил другой проем и заполз

в него с новым факелом; внутри я обнаружил еще большее количество камней и символов, столь же непонятных, как и в первом храме. Комната была такой же низкой, но гораздо менее просторной и заканчивалась очень узким проходом меж рядами мрачных алтарей или надгробий. Я пристально разглядывал их, как вдруг шум ветра и крик моего верблюда нарушили царившую вокруг тишину, и мне пришлось выбраться наружу, чтобы узнать, что так встревожило животное.

Над допотопными руинами ярко сияла луна, освещая плотное облако песка, поднятое, как мне показалось, сильным, но уже стихавшим ветром, который дул со стороны вздымавшейся надо мною скалы. Я посчитал, что этот холодный ветер, несущий песок, и напугал моего верблюда, и хотел было отвести его в более надежное укрытие, как вдруг бросил случайный взгляд наверх и увидел, что над скалой вихря не было. Меня вновь охватил страх, но я тут же вспомнил о внезапно налетающих и ограниченных малым пространством смерчах, которые наблюдал до того на восходе и закате солнца, и пришел к выводу, что здесь это обычное дело. Я решил, что ветер дует из какой-нибудь расщелины, ведущей в пещеру, и попытался проследить его источник. Вскоре выяснилось, что он вылетал из черного устья храма, расположенного далеко к югу от меня — настолько далеко, что я едва мог разглядеть его. Я направился в ту сторону, преодолевая сопротивление удушливого песчаного облака, и по приближении обнаружил, что этот храм крупнее прежних мною виденных, а вход в него забит спекшимся песком в гораздо меньшей степени. Я попытался было войти внутрь, но ледяной поток воздуха ужасающей силы остановил меня, едва не погасив мой факел. Ветер рвался из темной двери наружу с фантастической силой и зловеще завывал, вздымая песок и развевая его среди таинственных развалин. Однако вскоре он начал слабеть, и поднятый им песок понемногу оседал на землю. В то же время среди призрачных камней города мне почудилось чье-то незримое присутствие, а взглянув на луну,

я увидел, что она подрагивает и колышется, словно отражение в подернутой рябью воде. Трудно найти слова, чтобы передать мой страх, и все же он не заглушил жажды открытий, а потому, когда ветер окончательно стих, я вошел в темный зал, откуда он вырывался еще минуту назад.

Этот храм, как я заметил еще снаружи, был больше других; скорее всего, он располагался в пещере естественного происхождения, имевшей и другие выходы, раз по ней свободно гулял ветер. Здесь я мог стоять в полный рост, но алтари и камни были такими же приземистыми, как и в предыдущих храмах. Наконец-то я увидел следы изобразительного искусства древнего народа — на стенах и потолочном своде видны были остатки засохшей краски, которая уже почти выцвела и осыпалась. Со все возрастающим волнением я разглядывал хитросплетения тонко очерченных резных узоров. Подняв факел над головой, я осмотрел потолочный свод и обнаружил, что для естественного углубления он имеет чересчур правильную форму. Доисторические каменотесы, должно быть, обладали немалым мастерством.

Яркая вспышка факельного пламени открыла мне то, что я искал, — отверстие, ведущее в недра скалы, откуда исходили внезапные порывы ветра. У меня подкосились колени, когда я увидел, что это была не какая-то расщелина, а явно рукотворный дверной проем, прорубленный в твердой породе. Я просунул в проем факел и увидел черный туннель, под низким сводчатым потолком которого обнаружились мелкие, грубо высеченные ступеньки, круто сбегавшие вниз. О, эти ступеньки будут сниться мне всегда с той поры, как мне открылась их тайна. А в ту минуту я даже не знал, как их лучше назвать — ступеньками или просто выщербинами для упора ног при крутом спуске. В голове у меня роились безумные мысли; казалось, слова и предостережения арабских пророков плывут над пустыней из ведомых людям краев в Безымянный город, о котором людям лучше ничего не знать. После минутного колебания я шагнул вперед и на-

чал осторожный спуск по ступенькам, пробуя каждую из них ногой, словно это была шаткая приставная лестница.

Такой жуткий спуск может привидеться разве что в тяжелом бреде или в страшном наркотическом дурмане. Узкий проход увлекал меня все дальше и дальше вниз; он был бесконечен, словно страшный, населенный нечистой колодец, и света моего факела было недостаточно, чтобы озарить те неведомые глубины, в которые я опускался. Я потерял чувство времени и забыл, когда последний раз смотрел на часы, а мысль о расстоянии, пройденном мною в этом туннеле, заставляла меня содрогаться. Местами спуск становился более крутым или, напротив, более пологим, местами менялось его направление; однажды мне попался длинный, низкий, пологий проход, в котором я тут же едва не вывихнул себе ногу, споткнувшись на неровном полу. Продвигаться пришлось с величайшей осторожностью, держа факел впереди себя на расстоянии вытянутой руки. Потолок здесь был таким низким, что я не мог полностью распрямиться. Затем опять начались пролеты крутых ступенек. Я все еще продолжал свой бесконечный спуск, когда мой слабеющий факел погас. Кажется, я не сразу заметил это, ибо когда все же обнаружил, что остался без огня, моя рука по-прежнему была вознесена над головой, как если бы он продолжал гореть. Состояние неизвестности наполнило меня тревогой — я почувствовал себя ничтожным скитальцем, явившимся в далекие древние места, охраняемые неведомыми силами.

Во тьме на мое сознание обрушился поток разнообразных мыслей и видений — отрывки из ценных своей редкостью демонологических трудов, сентенции безумного араба Альхазреда, цитаты из кошмарных апокрифов Дамаския и нечестивые строки из бредового «Образа мира» Готье де Метца. Я твердил про себя обрывки причудливых фраз и что-то бессвязно бормотал об Афрасиабе и демонах, плывущих с ним по течению Окса; неоднократно в голове моей мелькало выражение из сказки лорда Дансени: «неотражаемая чернота бездны». Один

раз, когда спуск неожиданно круто пошел вниз, я начал нараспев цитировать строфу из Томаса Мура и остановился лишь тогда, когда почувствовал, что эти строки навевают на меня самый настоящий ужас:

Вместилище бездонной тьмы
Черно, как ведьмины котлы
С кипящим зельем. Наклонясь,
Чтоб отыскать какой-то путь
Сквозь эту бездну, я узрел,
Насколько мог проникнуть взор,
Стекланный отблеск темных стен,
Сверкающих, как черный лак,
И мрак, что сквозь осклизлый зев
Обитель Гибели струит¹.

Мне уже начало казаться, что время остановилось, как вдруг я вновь почувствовал, что ноги мои стоят на ровном горизонтальном полу, и обнаружил, что нахожусь в каком-то помещении. Оно было ненамного выше комнат в двух меньших храмах, находившихся сейчас наверху, невообразимо далеко от меня. Я не мог стоять в полный рост: распрямить спину по-прежнему можно было, только опустившись на колени. Не видя ничего вокруг, я начал наугад двигаться в разных направлениях и очень скоро понял, что нахожусь в узком коридоре, вдоль стен которого стоят рядами деревянные ящики со стеклянными крышками — последнее я определил на ощупь. Отполированное дерево и стекло — в этой палеозойской бездне? Мысли о том, что может скрываться за всем этим, заставили меня содрогнуться. Ящики были расставлены по обе стороны прохода на одинаковом расстоянии друг от друга. Они имели продолговатую форму и стояли горизонтально, своими размерами и очертаниями напоминая гробы, что в очередной раз наполнило меня ужасом. Попытавшись сдвинуть с места два или три ящика, я обнаружил, что они прочно закреплены на месте.

¹ Перевод Дм. Раевского.

СОДЕРЖАНИЕ

ДАГОН. <i>Перевод Е. Мусихина</i>	5
ПОКАЗАНИЯ РЭНДОЛЬФА КАРТЕРА <i>Перевод О. Мичковского</i>	13
БЕЗЫМЯННЫЙ ГОРОД. <i>Перевод Е. Мусихина</i>	21
ПРАЗДНИК. <i>Перевод О. Мичковского</i>	39
СИЯНИЕ ИЗВНЕ. <i>Перевод И. Богданова</i>	52
УЖАС ДАНВИЧА. <i>Перевод Е. Мусихина</i>	99
СНЫ В ВЕДЬМИНОМ ДОМЕ. <i>Перевод Е. Нагорных</i>	160
ЗА ГРАНЬЮ ВРЕМЕН. <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	216
ТВАРЬ НА ПОРОГЕ. <i>Перевод О. Алякринского</i>	306
Примечания. <i>В. Дорогокупля</i>	342

Лавкрафт Г. Ф.

Л 13 За гранью времен : рассказы / Говард Филлипс Лавкрафт ; пер. с англ. О. Алякринского, И. Богданова, О. Мичковского и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 352 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-11078-6

Говард Филлипс Лавкрафт, не опубликовавший при жизни ни одной книги, сделался маяком и ориентиром целого жанра, кумиром как широких читательских масс, так и рафинированных интеллектуалов, неиссякаемым источником вдохновения для кинематографистов, да и само его имя стало нарицательным. Сам Борхес восхищался его рассказами, в которых место человека — на далекой периферии вселенской схемы вещей, а силы надмирные вселяют в души неосторожных священный ужас.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ
ЗА ГРАНЬЮ ВРЕМЕН

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректор Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 08.12.2017. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 15,5. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AKB-19188-04-R